

Лингвокультурология в системе гуманитарного знания

Е.Н. Лучинина

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В последнее время в отечественной лингвистике появилось большое количество работ, посвященных лингвокультурологической проблематике. К ней обращаются ведущие российские языковеды: например, Ю.С. Степанов выпустил работу «Константы: Словарь русской культуры», в которой приводятся актуальные для носителя русского языка концепты и дается их развернутый комментарий [Степанов 2001]. Исследование Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека» направлено на изучение универсальных терминов культуры, извлекаемых из текстов разных времен и народов [Арутюнова 1999]. Предметом изучения В.Н. Телия и ее школы являются фразеологизмы, а цель – описание их культурно-национальных коннотаций и выявления «характерологических черт менталитета» [Телия 1996]. В целом, термины *лингвокультурология* и *лингвокультурологический* фигурируют в названиях многих исследований последнего десятилетия, однако дефиниции этих понятий, равно как и методы лингвокультурологического исследования далеко не всегда обосновываются авторами. В результате категория *лингвокультурологический* трактуется весьма вольно: иногда под этим термином понимается даже языковая политика (см., например, [Артемьева 2003: 3-4]). Автор настоящей статьи видит свою задачу в том, чтобы систематизировать существующие в современной лингвистике направления лингвокультурологических исследований, для чего, в первую очередь, представляется необходимым рассмотреть генезис данной проблематики.

Считается, что лингвокультурология возникла в последней четверти XX в. как продукт антропологической парадигмы в лингвистике, начало которой положил еще в XIX в. В. фон Гумбольдт, впервые в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» сформулировавший положение о взаимосвязи характера языка и характера народа. Широкую известность получили утверждения о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на познания и чувства являются в действительности различными мировидениями», и что «своеобразие языка

влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1985: 370, 377]. Новизна подобного подхода состояла в том, что за различными языковыми формами ученый увидел различия в способах мышления и восприятия действительности и сделал вывод о том, что в языке воплощается своеобразие культуры.

Идеи В. Гумбольдта развивались в рамках неогумбольдтианства в XIX–XX в. В России XIX в. его наследие интерпретировал А.А. Потебня, развивавший идею о «языке как деятельности». Представители европейского неогумбольдтианства – Л. Вайсгербер (Вейсгербер), Х. Глинц, Х. Хольц – в середине XX в. разрабатывали вопрос о зависимости содержания мышления и логического строя мысли от структурных особенностей языка. Исследования неогумбольдтианцев отличает интерес к «содержательной» стороне языка: они анализировали семантические сферы разных языков, выявляя сходства и различия между ними. Л. Вайсгербер ввел понятие «вербализация мира», определив его как «процесс языкового овладения миром и превращения его в объект познания», а также выдвинул тезис о необходимости создания «новой грамматики», которая должна фиксировать содержательную сторону языка и представлять язык как «действующую силу» [Гухман 1961: 129–130, 154].

Среди тех, кто продолжал учение В. фон Гумбольдта в США, – лингвисты конца XIX–начала XX в. У.Д. Уитни, Д.У. Пауэлл, Ф. Боас, а также Э. Сепир и Б.Л. Уорф. Последние выдвинули гипотезу языковой относительности, согласно которой языку отводится приоритетная роль в процессе познания. На основании материала, полученного в процессе исследований языков североамериканских индейцев, они пришли к выводу о влиянии языковых категорий на мышление. Согласно гипотезе языковой относительности, наличие различных категорий в разных языках свидетельствует о том, что носители этих языков по-разному концептуализируют окружающий мир.

На протяжении XX века гипотеза Сепира-Уорфа пережила период резкой критики и забвения. В настоящее время она снова находится в центре внимания лингвистов: в 1990-е г. вышли в свет такие работы, как «Language Diversity and Thought» Д. Льюси [Lucy 1992] и «Whorf Theory Complex» П. Ли [Lee 1996]. В 1998 г. в университете города Дуйсбург (Германия) был проведен международный симпозиум под названием «Humboldt and Whorf Revisited. Universal and Culture-Specific Conceptualizations in Grammar and Lexis», в ходе которого были выявлены новые подходы к исследованию феномена языковой относительности и человеческого фактора в языке.

Гипотеза Сепира-Уорфа легла в основу многих течений в современной лингвистике: разнообразие формулировок позволяет говорить об ее «сильной» и «слабой» версиях. Кроме того, лингвистами XX в. предпринимались попытки переформулировать гипотезу: известны, например, «гипотеза лингвистической дополнительности» Г. Брутяна [Брутян 1968: 57–61] и «гипотеза лингвистической универсальности» А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001: 45–46]. Тем не менее, интерес к этой проблеме и разнообразные подходы к ее исследованию позволяют говорить о продолжении традиции изучения языка как носителя специфики культуры.

В середине XX века в США возникло еще одно направление исследования «человека в языке»: Д. Хаймз разработал теоретические и методологические основы лингвистической антропологии – «изучения языка и речи в контексте антропологии» [Hymes 1963: 277]. Ученый исходил из положения, что «задача лингвистики – обобщать знания о языке с точки зрения языка, тогда как задача антропологии – обобщать знания о языке с точки зрения человека» [Hymes 1964: 93]. Вопрос о месте лингвистической антропологии в гуманитарной парадигме разрабатывает А. Дуранти; согласно его теории, «лингвистическая антропология отличается от всех остальных языковедческих дисциплин тем, что она обращает особое внимание на индивидуальную репрезентацию реального мира» [Duranti 1992: 3].

В советской лингвистике неогумбольдтианство подвергалось критике, поскольку его теоретические основания расходились с положениями марксистско-ленинской философии [см., например, Гухман 1961, Чесноков 1977]. Однако языковеды обращались к проблемам взаимосвязи языка и культуры: как отмечал Ю.С. Степанов, «ни один крупный лингвист последнего десятилетия, если только он не принимал без критики положений догматического структурализма, не миновал вопроса об антропоцентризме в языке» [Степанов 1975: 49].

Таким образом, появление лингвокультурологии – закономерный результат развития философской и лингвистической теории XIX-XX в. В последнее десятилетие в России вышло в свет несколько работ, посвященных этой дисциплине. Самой популярной в отечественной науке работой может считаться учебник В.А. Масловой [Маслова 2001]. В нем приводится методологическая база, описываются современные направления лингвокультурологических исследований в России. Автор подчеркивает междисциплинарный характер лингвокультурологии, определяя ее как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии», как «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» или как «интегративную область знаний, вбирающую в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [Маслова 2001: 9, 30, 32]. Тем не менее, вопрос о статусе лингвокультурологии остается не решенным. Цель (изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру), задачи (выявить, как культура участвует в образовании языковых концептов, или существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителей языка), а также понятийный аппарат сформулированы очень широко. Автор утверждает возможность использования самых разнообразных приемов и методов исследования «от интерпретационных до психолингвистических» [там же: 35].

Наиболее полно в современной отечественной лингвистике теоретико-методологические основания лингвокультурологии изложены в работе В.В. Воробьева «Лингвокультурология: теория и методы» [Воробьев 1997]. Исследование выполнено в традициях гумбольдтианства: изучение культуры, воплощенной в языке, предлагается проводить на основе гипотезы Сепира-Уорфа, а также активно используется терминология, введенная Л. Вайсгербером. Лингвокультурология рассматривается как теоретическая база лингвост-

рановедения; она определяется как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Там же: 36-37]. Основным объектом лингвокультурологии автор называет «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности», а предметом данной дисциплины являются «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», – всё, что составляет «языковую картину мира» [Там же: 32]. Изучение лингвокультурологических объектов предлагается проводить с помощью системного метода, заключающегося в единстве семантики, сигматики, синтактики и прагматики и позволяющего получить «целостное представление о них как единицах, в которых диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание» [Там же: 43].

В.В. Воробьев вводит основную единицу лингвокультурологического анализа – лингвокультурему, определяя ее как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [Там же: 44-45]. Для описания различий между словом и лингвокультуремой используется категория «ближайшего/дальнейшего значения слова» А.А. Потемни. Лингвокультурема, в отличие от слова, имеет более сложную структуру: план содержания дробится на языковое значение и культурный смысл. Лингвокультурема обладает коннотативным смыслом и «живет до тех пор, пока живет идеологический контекст, ее породивший» [Там же: 52]. Она может быть выражена как единичным словом, так и текстом «значительной протяженности». Описанный выше понятийный аппарат может быть применен в различных исследованиях. В своей работе автор демонстрирует его использование для изучения поля «русская национальная личность», проводимого на основании корпуса текстов, взятых из классической русской литературы; полученные результаты используются в курсе преподавания русского языка как иностранного.

Схожие задачи решает и В.В. Красных: в работе «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология» она определяет последнюю как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12]. Выявлять лингвокультурологическую специфику предлагается через использование лингво-когнитивного подхода к коммуникации, поскольку он позволяет проанализировать как ее общелингвистический аспект, так и национально-детерминированный компонент [там же: 20-21]. Однако автор не проводит четкой границы между двумя исследуемыми дисциплинами: утверждается общность их проблематики, теоретической предпосылкой возникновения и той, и другой считается гипотеза Сепира-Уорфа, не выявляются различия в методах исследований.

Проблемы лингвокультурологии также разрабатываются учеными Волгоградской школы, в частности, В.И. Карасиком и Е.И. Шейгал. В.И. Карасик рассматривает лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» и делает акцент на ее сопоставительном характере [Карасик 2002: 103, 108, 121]. Основной единицей лингвокультурологии он называет культурный концепт, а в качестве единиц изучения выдвигает реалии и «фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа» [Там же: 127, 129]. В работе Е.И. Шейгал и В.А. Буряковской лингвокультурология определяется как дисциплина, изучающая «отдельные объекты концептуальной картины мира и их осмысление общественным сознанием и языком с точки зрения объекта отражения, одним из которых является этнос» [Шейгал, Буряковская 2002: 9]. Авторами изучается лингвокультурологический потенциал этнонимов, входящих в состав устойчивых сочетаний, а также специфика функционирования этнонимов в текстах статей, рассказов и анекдотов.

Таким образом, на основании анализа основных отечественных работ, посвященных лингвокультурологической проблематике, можно сделать некоторые выводы относительно современного состояния данной дисциплины. С одной стороны, исследование культурной составляющей в языке является закономерным результатом развития языкознания XIX-XX вв. Интерес многих ученых к лингвокультурологии свидетельствует об ее перспективности. С другой стороны, теоретико-методологическая база этой дисциплины на настоящий момент находится на стадии становления. Среди ученых нет единого мнения ни относительно статуса лингвокультурологии (самостоятельная дисциплина или отрасль лингвистики), ни относительно предмета и методов лингвокультурологического исследования. Общепринятым является определение лингвокультурологического исследования как изучения языка в неразрывной связи с культурой. Самым популярным материалом, иллюстрирующим особенности мировоззрения носителей языка, являются фразеологизмы и паремии. Существуют также исследования, нацеленные на выявление лингвокультурологической специфики отдельных концептов; подобные работы базируются, как правило, на текстах классической литературы. Однако изучение взаимосвязи языка и культуры исключительно на основании словарных единиц и текстов вряд ли поможет составить его адекватную картину, поэтому продуктивным для развития лингвокультурологии направлением может стать обращение к анализу дискурса.

Литература

Артемяева Е.Ю. Лингвокультурная составляющая современного политического процесса (специфика англоязычных государств). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2003.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Лекция, прочитанная в Лондонском университете в 1967 г. Ереван, 1968.

- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М., 1997.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гухман М.М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 123-162.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
- Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Чесноков В.П. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977. С. 7-62.
- Шейгал Е.И., Буряковская В.А. Лингвокультурология: Языковая репрезентация этноса. Волгоград, 2002.
- Duranti A. Linguistic Anthropology. Cambridge University Press, 1992.
- Hymes D.H. Objectives and Concepts of Linguistic Anthropology // The Teaching of Anthropology. University of California Press, 1963.
- Hymes D. H. A Perspective for Linguistic Anthropology // Horizons of Anthropology. – Chicago, 1964.
- Lee P. The Whorf Theory Complex. A Critical Reconstruction. – Amsterdam, 1996.
- Lucy J. A. Language Diversity and Thought. A Reformulation of Linguistic Relativity Hypothesis. – Cambridge University Press, 1992.